

Ванъэр дождалась, пока матушка наденет обувь, и, когда та направилась к нам, медленно поднялась и отошла в сторону. Даже стоя, она держалась согнувшись, низко опустив голову. В зале она была единственной служанкой, но её присутствие не казалось неуместным. Сначала я подумала, что она просто умеет хорошо скрываться, но позже поняла: в ней есть нечто, что отличает её от обычных придворных. Эта внутренняя сила сближала её скорее с императрицей, принцами и принцессами, чем со служанками или слугами.

Мы с Ли Жуюм пришли, полные решимости высказаться, но, увидев за дверью У Миньчжи, оба заколебались. Войдя в зал, мы, кроме как произнести «матушка», больше ничего не сказали.

Матушка, увидев нашу растерянность, улыбнулась. Она протянула руки, одну положила мне на голову, а другой ущипнула Ли Жую за щеку.

— Вы пришли из-за Миньчжи, верно? — спросила она. — Он только что докладывал, что встретил Сыцзы в охотничьих угодьях, но сначала не узнал её и не успел поклониться, чем вызвал её недовольство?

— Это не просто отсутствие поклона! — выпалил Ли Жуй. — Его слуги обнажили мечи перед Сыцзы! Она была одна, окружённая таким количеством вооружённых людей. Разве это можно списать на простое «не поклонился»?

Рука матушки, лежавшая на моей голове, замерла. Она повернулась ко мне. Я выскользнула из-под её ладони, сложила руки и почтительно сказала:

— Я впервые ездила на Фэйлуне и не ожидала, что он понесёт так быстро, — занесло меня напрямик в охотничьи угодья. Пока ждала там Ван Сюя, увидела, как мимо проехала группа всадников. Сначала не узнала, но когда У... Миньчжи-биаоге повернулся, поняла, кто это. Он мой двоюродный брат, с ним можно не церемониться. Но его слуги вели себя отвратительно — не только не поклонились, но и, по его слову, обнажили мечи, окружив нас с Миньчжи. Потом пришёл Люлан с людьми, и только тогда они убрали оружие и ускакали, даже не поприветствовав его. Мы с Люланом подумали: раз здесь бывает императорский кортеж, то таким вольным поведением ху, вооружённых до зубов, они ставят под угрозу безопасность отца и матушки. Да и Миньчжи-биаоге так неосторожен — как бы не привлёк внимания цензоров. Потому и решили доложить. Мы не специально пришли жаловаться на него.

Какая же я была глупа. Разве не лучше было бы, чтобы с этим разбирались цензоры? Но если бы они вмешались, дело стало бы государственным. У Миньчжи всё же племянник матушки, наследник титула Чжоу-гогуна. Если бы его подвергли impeachment'у, матушке было бы неловко. Осознав это, я вдруг поняла, почему Вэй Хуань советовала не жаловаться и не преувеличивать. Матушка опиралась на Миньчжи как на опору своего рода — вряд ли она стала бы его легко наказывать.

Поняв суть дела, я поспешила кинуть знак Ли Жую, который всё ещё пространно живописал матушке, как груб был Миньчжи. Ли Жуй заметил мой взгляд, но не сумел быстро сориентироваться. Замолчав на полуслове, он окончательно сник. Матушка, выслушивавшая его с каменным лицом, подняла брови, подождала и наконец услышала, как Ли Жуй пробормотал:

— Я... я видел это издалека. Матушка, лучше спросите Сыцзы.

— Если не знаешь, что сказать, лучше молчи, — недовольно заметила матушка. — Начать говорить, а потом резко оборвать — где же тут расчётливость принца? Ты ведь мой сын, и у тебя уже есть свой дом. Разве так должен вести себя циньван?

Ли Жуй, не ожидавший такой строгости, испуганно опустил голову:

— Я... ваш слуга... я был неосторожен.

Я поспешила добавить:

— Матушка, Люлан действительно был далеко и не всё разглядел. А услышав мои слова, забеспокоился и потерял самообладание. На самом деле Миньчжи ничего дурного не сделал. Просто я... я почему-то его боюсь. Мне всё кажется, будто он хочет мне навредить.

Только сейчас до меня дошло: матушка уже наказывала Миньчжи раньше, значит, её терпение не безгранично. Раз уж мы начали жаловаться, нужно бить по слабым местам. И уж кому, как не мне, говорить об этом?

Матушка явно не ожидала таких слов. Её лицо изменилось, и она, пристально глядя на меня, медленно спросила:

— Миньчжи — твой двоюродный брат. Вы часто играли вместе в детстве. Чего же ты боишься?

— Не знаю почему, — ответила я. — Но, увидев его, я почувствовала страх. Сегодня он привёл с собой столько людей, все с оружием, а я была одна, лишь с не заточенным коротким мечом. Наверное, я переоценила опасность.

Матушка замолчала.

Ли Жуй, похоже, что-то понял. Он резко повернулся ко мне и сжал правую руку. Я быстро схватила его за кисть и встряхнула. Он снова опустил голову, уставившись в пол. Мы оба молчали.

Спустя долгое время матушка произнесла:

— Миньчжи ладно. Но его слуги — ху, они не знают наших правил. Впредь им запрещено появляться во дворце.

Моё сердце упало. Всё это время я считала, что матушка — тот, кто лучше всех ко мне относится. Но теперь я видела: она мало чем отличается от отца или Ли Шэна. Хотя я постоянно напоминала себе, что она лишь мать этого тела, а не моя настоящая мать, в этот момент в груди у меня заныло.

Матушка, заметив моё разочарование, вздохнула и сказала:

— Принесите тот меч.

Ваньэр быстро подошла, держа в руках короткий меч. Его ножны были чёрными и неприметными, но когда матушка извлекла клинок, сверкнул холодный свет. Лезвие было острым, как крыло цикады, — прекрасное оружие.

Матушка передала его мне и спокойно сказала:

— Отныне тебе дозволено носить меч в присутствии императора.

Я сжала рукоять, чувствуя смешанные эмоции.

Мы с Ли Жуюем вышли, держась за руки. Моя свободная рука лежала на ножнах, и я думала,

что, едва переступив порог, не сдержусь, выхвачу клинок и вонзю его прямо в сердце У Миньчжи. Однако, увидев его у входа, это желание угасло. Напротив, Ли Жуй, поравнявшись с Миньчжи, остановился, бросил на него взгляд и, наклонив голову ко мне, сказал:

— Сыцзы, я убью его за тебя.

Я слегка покачала головой, отпустила его руку и подошла к Миньчжи. Моя правая рука двинулась, и острый меч, дарованный матушкой, вышел из ножен. Миньчжи был намного выше, так что я смогла поднести клинок лишь к его животу, остановив остриё в полутора сантиметрах от его хуфу. Моя рука дрожала — я ещё не привыкла держать меч, — и холодный отсвет на лезвии слегка подрагивал.

Увидев обнажённый клинок, Миньчжи не испугался, а напротив, улыбнулся. Его улыбка медленно поползла к углам губ, словно кожу натянули и сжали с двух сторон. Он пристально смотрел на меня, не моргая. Затем протянул левую руку и медленно провёл пальцем по лезвию. Кровь выступила на кончике, стекая по клинку и капнув на пол в месте изгиба.

Он втянул окровавленный палец в рот, медленно закинул голову, а затем так же медленно опустил, будто облизывая леденец. Язык скользнул между губами, коснулся пальца, а затем он быстрым движением правой руки ткнул кончиком пальца в остриё моего меча и, улыбаясь, произнёс:

— Эрнян, будь осторожна. Поранишь что-то ещё — не страшно. Но если повредишь это... что же ты тогда будешь делать?

Я услышала глухой удар и подумала, что это Ли Жуй ударил Миньчжи. Но, присмотревшись, увидела: он лишь сжал кулак, гневно уставившись на обидчика. Я слегка повернула голову и заметила Ваньэр, стоящую у входа. Лёгкий северный ветер поднимал полу её светлой шёлковой юбки, тонкая ткань облегла стройную фигуру девушки. В зале, благодаря горячему источнику, было тепло — её наряд был уместен. Но снаружи дул холодный ветер, и мне, одетой в меха, было зябко. Однако Ваньэр, лишь в лёгкой юбке, стояла недвижимо, будто ни зимняя стужа, ни весеннее тепло не имели для неё значения.

Миньчжи небрежно сложил руки в приветствии и, улыбаясь Ваньэр, спросил:

— Выход Шангуань Цайжэнь... не означает ли, что у Её Величества есть распоряжения?

Ваньэр, глядя на меч в моей руке, сказала Миньчжи:

— Её Величество вызывает Чжоу-гогуна.

<http://bllate.org/book/16278/1466011>